

Первого декабря
исполнилось 225 лет
со дня рождения
Николая Михайловича
Карамзина.

Кажется, не до юбилеев
и «круглых дат». Не
знаю: сам не люблю
протокольных
торжеств, когда не
обходится без
помпезности, шумной
суеты и фальши.
Но о Карамзине —
разговор особый.
Всегда, а сейчас, в
смутное время, особенно,
должно вспоминать
честных граждан своего
Отечества с
благодарностью и в
поучение.

Из «Введения к «Истории Государства Российского»

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Правители, Законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на ее листы как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье.

Но и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества.

Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума! Любопытство сродни человеку, и просвещенному и дикому. На славных играх Олимпийских умолкал шум и толпы безмолвовали вокруг Геродота, читающего предания веков. Еще не зная употреблений букв, народы уже любят Историю: старец указывает юноше на высокую могилу и повествует о делах лежащего в ней Героя. Первые опыты наших предков в искусстве грамоты были посвящены Вере и Деесписанию; омраченный густою сенью невежества народ с жадностью внимал сказаниям Летописцев. И вымыслы нравятся; но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина. История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созидая

Царства, и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим: еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность.

...Есть три рода Истории: первая современная, например Фукидидова, где очевидный свидетель говорит о происшествиях; вторая, как Тацитова, основывается на свежих словесных преданиях в близкое к описываемым действиям время; третья извлекается только из памятников, как наша до самого XVIII века. В первой и второй блистает ум, изображение Деесписателя, который избирает любопытнейшее, цветит, украшает, иногда творит, не боясь обличения: скажет: я так видел, так слышал — и безмолвная Критика не мешает Читателю наслаждаться прекрасными описаниями. Третий род есть самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной черты к известному; нельзя вопрошать мертвых; говорим, что предали нам современники; молчим, если они умолчали, — или справедливая Критика заграждает ута легкомысленному Исторiku, обязанному представлять единственно то, что сохранилось от веков в Летописях, в Архивах. Древние имели право вымышлять речи согласно с характером людей, с обстоятельствами: право, не оцененное для истинных дарований, и Ливий, пользуясь им, обогатил свои книги силою ума, красноречия, мудрых наставлений. Но мы, вопреки мнению Аббата Мабли, не можем ныне витийствовать в Истории. Новые успехи разума дали нам яснейшее понятие о свойстве и цели ее; здравый вкус установил неизменные правила и навсегда отлучил Деесписание от Поэмы, от цветников красноречия, оставив в удел первому быть верным зеркалом минувшего, верным отзывом слов, действительно сказанных

Героями веков. Самая прекрасная выдуманная речь безобразит Историю, посвященную не славе Писателя, не удовольствию Читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истине, которая уже сама собою делается источником удовольствия и пользы. Как Естественная, так и Гражданская История не терпит вымыслов, изобретая, что есть или было, а не что быть могло. Но История, говорят, наполнена ложью: скажем лучше, что в ней, как в деле человеческом, бывает примесь лжи; однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется; и сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях. Тем зыскательнее и строже Критика: тем непозволительнее Исторiku, для выгоды его дарования, обманывать добросовестных Читателей, мыслить и говорить за Героев, которые уже давно безмолвствуют в могилах.

...С охотою с ревностю посвятив двенадцать лет, и лучшее время моей жизни на сочинение сих осьми или девяти Томов, могу по слабости желать хвалы и бояться осуждения; не смею сказать, что это для меня не главное. Одно славовлюбие не могло бы дать мне твердости постоянной, долговременной, необходимой в таком деле, если бы не находил я истинного удовольствия в самом труде и не имел надежды быть полезным, то есть сделать Российскую Историю известною для многих, даже и для строгих моих судей.

Благодаря всех, и живых и мертвых, коих ум, знания, таланты, искусство служили мне руководством, поручаю себя снисходительности добрых сограждан. Мы одно любим, одного желаем: любим отечество, желаем ему благоденствия еще более, нежели славы; желаем, да не изменится никогда твердое основание нашего величия; да правила мудрого самодержавия и святой веры более и более укрепляют союз частей; да цветет Россия... по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бесмертного, кроме души человеческой!

Н. КАРАМЗИН.

«Потомству приветствие из гроба!»

Как большинство честных людей с чистой душой, Н. Карамзин в молодости испытал восторг от благородных революционных идей и разочарования от последствий воплощения их в жизнь.

Он жаждал впечатлений, много путешествовал и всегда был благодарным гостем.

Создавал себе кумиров, восторгался ими и охладевал.

Карамзин был не только современником, но и очевидцем важнейших исторических событий: Великой французской революции, Отечественной войны, восстания декабристов. Он жил в царствование Екатерины II, познал времена правления «романтического императора» Павла I, был духовно близок с Александром I и в определенном смысле являлся наставником Николая I.

Николай Михайлович Карамзин — один из самых известных и уважаемых людей своего времени, оказавший прямое влияние на многих славных современников. Карамзин — литератор, журналист, историк. И все его таланты переплелись воедино в «Истории государства Российского». Ю. Лотман писал, что «История...» — явление русской культуры в ее целостности и только так должно рассматриваться.

Признавая за Карамзиным литературный дар, могучий ум, читатели всех времен, исследователи разных толков отмечали противоречивость его взглядов, объясняя ее или естественной эволюцией, подчеркивающей независимость суждений, или придворной непоследовательностью. И те, и другие по давней традиции находили нужные цитаты.

В конце XVIII века в «Письмах русского путешественника» Карамзин, оправдывая реформы Петра I, в частности, писал:

«Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для Русских; и что Англичане или Немцы изобрели для пользы выгоды человека, то мое, ибо я человек!» Уже после Отечественной войны 1812 года в «Записке о древней и новой России» — другой акцент: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях, гражданами России. Виню Петра».

Но все эти противоречия условны: Карамзин пытался рассматривать и оценивал события одновременно и как человек, и как ученый-историк. В неоднозначности его оценок — объективность истории. В кажущейся непоследовательности — недовольство познания и глубина проникновения.

Величие Карамзина не только в том, что он — «первый историк», «колу́мб русской истории», собравший и подаривший народу его Историю. Но и в том, что «История государства Российского» человечна, личностна и в этом смысле нравственна и вдвойне поучительна.

Вот характерный пример. Повествуя о Мономахе, «лучшим из тогдашних Князей Российских», Карамзин описал трагический эпизод вероломного умерщвления половецких послов. Объясняя и как бы даже оправдывая поступок Мономаха «словами Цицероновыми», что «век извиняет человека», у него нет извинения в моральной оценке случившегося: «недостойные советники» уговорили «робкую совесть» участвовать в «гнусном заговоре».

Нравственный ум — главное, что завещал нам Николай Михайлович Карамзин. В конце

жизни он часто обращался непосредственно к потомству: «Потомство! Достоин ли я был имени гражданина Российского? Любил ли я Отечество?» Или одна из последних написанных его рукой бумаг кончается: «Потомству приветствие из гроба!» (Ю. Лотман). Звучит потусторонне — оптимистически.

Карамзин верил в добрые перемены и в крепость государства Российского, предлагал терпеливо готовить лучшую жизнь и призывал к законопослушанию.

Прислушаемся и мы к словам мудрого человека и истинного гражданина (хотя это не более чем еще одна, но наша цитата): «ВСЯКОЕ гражданское устройство, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан; и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку. Все исправить — мечта доброго сердца. Перемены произойдут лишь посредством медленных, но верных безопасных успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов».

